

Александра Кириллова

Птица

«Грифон»

2014

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос=Рус)6-5

Кириллова А.

Птица / А. Кириллова — «Грифон», 2014 — (Грани современной поэзии)

ISBN 978-5-457-95369-7

Данный поэтический сборник Александры Кирилловой представляет как уже публиковавшиеся, так и новые стихотворения. Объединяет их одна главная тема. Как натянутая струна, она звучит пронзительно и нежно в каждой строке. Это – музыка любви. Удивительная мелодия рождается и ширится по-настоящему широким напевом... и, однако, она очень лирична и душевна, идет от сердца, от тех его глубин и тайников, которые доступны только настоящему поэту. Для ценителей поэзии.

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос=Рус)6-5

ISBN 978-5-457-95369-7

© Кириллова А., 2014

© Грифон, 2014

Содержание

«Открытое мной Небоморе...»	5
Я просила тебя остаться...	7
Ты руки мои в своих руках...	8
Так что же? Я рада. Пусть эта награда...	9
Не знаю, сколько месяцев и дней...	10
Мы с тобою не дети, но все же...	11
Вот уж тесными стали объятья...	12
Когда измотано до дыр...	13
Окрасился к вечеру город багровым...	14
Фонтанный дом	15
Как было пусто и досадно...	16
Как можно мысль остановить...	17
Я слышала, как шепчется песок...	18
К чему все то, что сказано теперь?	19
Пока все нити из холодных рук...	20
Как по клетке, я по комнате своей...	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Александра Кириллова Птица

«Открытое мной Небоморе...» (о стихах Александры Кирилловой)

Несмотря на все модные тенденции постмодернизма и разговоры о том, что поэзия умерла, так как никому не интересна, настоящая поэзия живет и будет жить, пока остаются люди, способные создавать стихи, и те, кто может оценить их. И это понятно: поэзия – особая творческая сила.

Поэзия не подчиняется коммерческим началам и установкам сверху. Она рождается как ветер, по одной ей ведомым законам. Она бьется как птица в голове автора и просится на волю, где можно будет ощутить всю ее красоту в свободном размахе крыльев на белом листе бумаги, в звуке голоса...

Такой автор – всегда избранник и в то же время пленник, заложник своего поэтического дара. Отсюда – искренность и открытость, даже беззащитность. Отсюда – умудренность и проницательность, впитавшие опыт минувших столетий («Прошли века с последней нашей встречи...»).

Стихи, вошедшие в этот сборник, представляют самостоятельный и абсолютно индивидуальный голос. В нем есть глубокие интонации Анны Ахматовой и звонкие переливы Беллы Ахмадулиной, но лишь потому, что автору близки и дороги стихи этих великих русских поэтов. Эта поэзия – дар, но дар суровый:

Такая пламенная сила,
В ней столько боли и тепла.
Она – все то, что я просила,
И пусть на миг, но обрела.

Возможно, давно строки, полные любви и нежности, открывающие самые глубинные переживания женского сердца, не звучали так целомудренно – и в то же время чувственно и эротично... Это поэзия нового времени и для нового читателя, который не всегда знает, что стихи могут быть интереснее экранных мелодрам, они могут трогать душу сильнее модных песен и пробуждать настоящие, во многом сейчас забытые чувства... Стихи эти идут от сердца, от самой его глубины.

Я думала, время мой дух успокоит
И строки расставит как хрупкий сервиз.
Все так, только разве оно того стоит?
Ведь поиски истины – тот же каприз.
И даже теперь на чужих перевалах
Мне солнце по-питерски слепит глаза.
Молю, чтобы сердце мое не устало
Как прежде тревожно стучать для тебя.

И, что особенно ценно, Александре Кирилловой удалось создать свой собственный, ни на что не похожий, поэтический мир, пленительное и неповторимое Небоморе, которое сливается на горизонте в одну линию Неизведанного...

Все кануло, все истекло,
В лазурном исчезло просторе.
От края до края легло
Открытое мной Небоморе...

Лирическое путешествие, в которое автор приглашает читателей этой книги, конечно же, сулит много открытий. У каждого читателя они будут свои. Но, пожалуй, главное из них – то, что Александра Кириллова как поэт, безусловно, состоялся.

Д.Н. Бакун

Я просила тебя остаться...

Я просила тебя остаться.
Как терзает школяр букварь,
По колонкам водила пальцем,
Уговаривая календарь.

Непреклонные строим ладно
Цифры свой продолжали путь.
Я их взглядом ловила жадно,
Я хотела еще чуть-чуть.

Но четверка была жестока,
И пятерка была груба,
Точно я уж теперь без срока
Их и пленница, и раба.

За нескромную жажду ласки,
За терпение на мели
Закорючки из черной краски
Равнодушно меня секли.

Оттого, что ты дал им право,
Безраздельную эту власть,
Ради, может, пустой забавы
Хладнокровно губить и красть.

Потому ли, что не смолчала
И о чувствах не солгала,
Моей виселицей стояла
Цифра семь во главе угла.

Ты руки мои в своих руках...

Ты руки мои в своих руках
Держишь как птицу нежно,
Но в этих горячих живых силках
Погубишь ее небрежно.

А ей бы вспорхнуть и лететь, лететь
В ноябрь слегка морозный.
Перчатки не хуже могли согреть,
Но, видимо, слишком поздно.

Так что же? Я рада. Пусть эта награда...

Так что же? Я рада. Пусть эта награда —
Тяжелое бремя и горькая суть.
Стучат в подоконник жемчужины града,
Быть может, поэтому мне не уснуть.

И снова растянуты мысли без срока
В моей голове словно тяжкий недуг.
Но нет в одиночестве этом порока,
Оно – моей гордости преданный друг.

Не знаю, сколько месяцев и дней...

Не знаю, сколько месяцев и дней,
Как много нескончаемых столетий
Бок о бок здесь на улице моей
Ведут войну Монтекки с Капулетти.

Закрыты ставни на тугой засов
И флаги с черной лентою у входа.
Здесь каждый до безумия готов
Доказывать величественность рода.

Немало поколений воспитал
В глухой злобе их воспаленный разум.
А что взамен? Негаснувший пожар,
И каждый этим пламенем наказан.

О том, что род их кожей белей
Или, быть может, лучше образован,
Слова, слова, как тысячи камней,
Летят по обезумевшим Веронам.

Какие бы достойные дела
Не избраны для гербовой печати,
Для каждого соседского двора
Они противны глазу и некстати.

Сметая грязь шелками с мостовой
Дорогой узкомыслия и страха,
Безжалостный родительский конвой
Ведет, ведет сынов своих на плаху.

И новый уж готовится Тибальт
Блеснуть оскалом острого кинжала.
Но не гранит, теперь уже асфальт
Багровое накроет одеяло.

И будут из комодов доставать
Суровые и скорбные портреты.
И будет вновь Джульетта умирать,
Хотя, кому есть дело до Джульетты.

Мы с тобою не дети, но все же...

Мы с тобою не дети, но все же
Так нелепо порою смешны.
Долгий путь через годы проложен
В неизменном плену тишины.

Ловим взгляды друг друга, краснеем,
Воскрешаем скупой разговор.
Но о главном, о главном не смеем
Мы друг другу сказать до сих пор.

Как же юности нежные всходы
Мы смогли от потерь уберечь?
Ведь любил ты кого-то, но все же
Так отчаянно ждешь новых встреч.

Где-то вновь остроликое пламя
Омывает крутые хребты,
Что исхожены, друг мой, не нами,
Так не нам собирать с них цветы.

Нет ни боли, ни искры досады,
Мы как прежде под оком свечи
Перепутаем жадные взгляды.
Промолчи! Промолчи! Промолчи!

Вот уж тесными стали объятья...

Вот уж тесными стали объятья
Прежде милой житейской тюрьмы,
И красотки в фарфоровых платьях
Смотрят боязно из темноты.

Потускнела и точно опала
Акварельная в рамах сирень,
И старинная лампа устала
Грациозно отбрасывать тень.

Все покрыто вуалью из пыли —
Безразличия словно покров.
Шепчут вазочки: «Нас позабыли,
И не селят к нам больше цветов».

Вопрошают зеленые шторы:
«Почему не танцует сквозняк,
Почему наши гаснут узоры?»,
А часы отвечают: «Вот так».

Им не знать ли, как время сурово
К нашим чувствам и нашим словам,
И дворцы из стекла и фарфора
Без тепла превращаются в хлам.

Когда измотано до дыр...

Когда измотано до дыр
Осенними ветрами сердце,
И ни один живой кумир
Уже не может в нем согреться.

И льет уж, кажется, за край,
Смывает бытия законы
Напрасный дождь, вороньих стай
С ветвей срываются бутоны.

В минуты этой пустоты
За нашим обнищавшим садом,
Я знаю, тоже смотришь ты
В свое окно с таким же взглядом.

Не ждешь, не молишься ветрам,
Что дуют в жестяные трубы.
Сложил в красивый тонкий шрам
Свои изломанные губы.

Лишь где-то там в стекле зрачка
Не гибнет мысленная сила.
Она, как музыка сверчка,
Тонка, но так невыносима.

И в какофонии дождей,
Сквозь камень стен, косую крышу,
В холодной комнате своей
Я этот голос твой услышу.

Печален и велик покой,
Подобный замкнутому кругу.
И в этой осени с тобой
Мы как никто близки друг другу.

Окрасился к вечеру город багровым...

Окрасился к вечеру город багровым,
А небо озвучили крики стрижей,
И я в своем платье простом и неновом
Иду неспеша в полумраке аллей.

За парком, где липы вчера зацвели,
В глубинах манящего светом окна
Ты ждешь терпеливо, и в тонком бокале
Томится кровавое сердце вина.

Уже фонари зажигаются строем,
Листва их прищуренным делает взгляд,
О, как же он манит теплом и покоем,
И мне ни к чему возвращаться назад.

Лукавые камни шуршат под ногами,
Они что-то знают об этом пути,
Сквозь вечер, стрижей и листву с фонарями,
С которого мне не свернуть, не сойти.

И вот уж густых исполинов покорно
Меня отпускает живая стена,
В неспешных шагах и во мне все бесспорно,
И все подчиняется свету окна.

ФОНТАННЫЙ ДОМ

Простите, Анна, как некстати
Скамейки мокрые в саду.
Мне лишь мгновения не хватит
Дождаться вас, и я уйду.

По серым узким переулкам
На шумный Невского простор —
Моя привычная прогулка
И этот с вами разговор,

Я их люблю за нашу тайну,
За красоту беззвучных фраз.
И потому-то не случайно
Так часто навещаю вас.

И пусть я лишь одна из многих,
Из тех, кто в ваш приходит сад,
Где на колоннах белоногих
Портреты старые висят,

Звучат негромкие аккорды
Для умиленных дивных лиц.
Всегда величественно гордый
Наш город, лучший из столиц,

Здесь кажется таким ранимым,
Печальным пленником времен.
Он вашим голосом гонимым
Таким и быть приговорен:

С нежнейшей липовой листвою
И бликом солнечным в окне,
В котором тонкою рукою
Начертан крестик на стекле.

И ничему не быть иначе,
Я этой веры не стыжусь.
Быть может, выпадет удача,
И я вас все-таки дождусь.

Как было пусто и досадно...

Как было пусто и досадно.
Качал гирлянды фонарей
Холодный ветер беспощадный
На темной улице моей.

Срывал истлевшие афиши,
Стучал нервически в стекло,
Он мне в окно, казалось, дышит,
И в том дыхании его

Была тоска, неотвратимость
Грядущих долгих холодов
И непонятная решимость
Сломать преграды из замков,

Ворваться в дом с лихим погромом
Без капли жалости к теплу.
И в этом голосе знакомом
Зиме я слышала хвалу.

Вдоль улицы метались тени
Как стаи брошенных собак.
И будто в приступе мигрени
Стонал, поскрипывал чердак.

Но вдруг все стихло, словно жестом
Одним прервали крик толпы.
И тот, кто встречен был оркестром,
Кого зывали с высоты,

Явился тихо, величаво.
Земля остановила бег,
С покорностью она встречала
Великолепный белый снег.

Как можно мысль остановить...

Как можно мысль остановить
И не разматывать клубками
Живую память? Эту нить
Своими разорвать руками.

Из всех углов до потолка
Она растет, как паутина,
И в важной роли паука
Ползет обычная рутина.

Какими силами рубить
И рвать ее, как ни кружила?
Ведь может случиться, эта нить —
Моя единственная жила.

Я слышала, как шепчется песок...

Я слышала, как шепчется песок,
Я видела морщинистое море.
Быть может, здесь измученный висок
Достигнет столь желанного покоя.

И слезы, точно горькая полынь,
И хороводы праздных объяснений
Забудутся. Но только ты остынь,
Прошу тебя, остынь без сожалений.

Войди в холодный обволок волны,
Застынет пульс как стрелки на двенадцать,
И наши неразгаданные сны
В тяжелых этих водах растворятся.

И что-то будет после, но теперь
Послушай, как в ночи рыдает море,
Крупницы наших суетных потерь
Оно вяло как собственное горе.

К чему все то, что сказано теперь?.

К чему все то, что сказано теперь?
Листва с деревьев словно полетела.
Так глупо и зачем-то очень смело
Слова слетают с уст. Ты им не верь.

Не верь всему тому, что в забытье,
Ломая руки и кидая взгляды,
Я говорю на странном языке
С акцентами обиды и досады.

Натянута звенящая струна,
В ней наше откровение и сила.
Но каждая Троянская война
Убьет непобедимого Ахилла.

Жестокие, закатанные в сталь
Летят слова нацеленной стрелой.
Мой милый, ты поверь, мне очень жаль,
Что я не родилась на свет немой.

Пока все нити из холодных рук...

Пока все нити из холодных рук
Не унесло забвения ветрами,
Хочу сплести их в бесконечный круг,
В тугой венец с победными шипами.

И пусть вонзятся с муками в виски,
Исполнив суть сурового закона.
Венец моей безудержной тоски,
Он мне к лицу, ведь он – моя корона.

Как по клетке, я по комнате своей...

Как по клетке, я по комнате своей
Под навешанными памятью замками
То ли волком, то ли кем-то из зверей
Измеряю путь короткими шагами.

От заваленного письмами стола,
Где под лампой тихо греется тревога,
До бездонного холодного угла
Пролегла моей бессонницы дорога.

От упреков и нахмуренных бровей,
От желаний понизанных на спицу
До никем не потревоженных дверей
Вот уже который год в мою темницу.

Я зову кого-то снова в темноте,
Но мне эхом эти стены возвращают
Имена моих друзей, и на листе
Недоношенные мысли умирают.

От чего-то я бежала наугад,
От кого-то я сама себя скрывала.
Почему же этот дом тому не рад,
Что навеки холоднее стал кристалла?

Потому ли, что случайный был каприз,
Но бессонница гуляет по паркету,
И никто теперь о бабушкин сервиз
Не затушит хулигански сигарету.

Не сольются наши тени на стене,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.